ОЧЕРКИ

О НЕКАНОНИЧЕСКИХЪ КНИГАХЪ.

О КНИГѢ ТОВИТЪ.

Имѣя въ виду предложить читателямъ руководительныя свѣдѣнія при чтеніи и изученіи книги Товита, находимъ прежде всего нужнымъ коротко *описать составъ и содержаніе книги*, точно держась подлиннаго текста, какъ въ направленіи, такъ и въ содержаніи разсказа, и только полнѣе представляя тѣ черты подлинника, которыя не могутъ быть ясно выражены переводомъ. За тѣмъ предложимъ нужныя свѣдѣнія о памятникахъ, или текстахъ, въ которыхъ сохранилась книга Товита: излагая *библіографическія свѣдѣнія* о существующихъ текстахъ книги, мы будемъ имѣть возможность сказать и о предположеніяхъ ученыхъ относительно этой книги, образовавшихся при изученіи текстовъ. Далѣе слѣдовало бы изложить *историческія свѣдѣнія* о происхожденіи книги, о времени и мѣстѣ ея написанія, о лицѣ писателя и т. д. При недостаткѣ положительныхъ извѣстій мы должны будемъ ограничиться здѣсь изложеніемъ важнѣйшихъ мнѣній, образовавшихся въ богословской лите-

ратурѣ относительно этихъ предметовъ. Въ заключеніе скажемъ о характерѣ и достоинствѣ книги, имѣя особенно въ виду ея практическое употребленіе.

I. Въ составѣ книги Товита различается нѣсколько отдѣльныхъ частей. Послѣ надписанія и обстоятельнаго свѣдѣнія о лицѣ Товита (гл. I, ст. 1—2), излагается предварительная исторія Товита отъ лица его самого (гл. I, 3—III, 6). По надписанію, которымъ книга усвояется Товиту, и по его собственному повѣствованію о себѣ, за книгою утвердилось названіе *Товита.* Повѣствованіе Товита о себѣ самомъ служитъ основою другой исторіи—сына его Товіи, которая излагается въ третьемъ лицѣ отъ писателя книги (III, 7—XII). Поэтому книга Товита извѣстна была и подъ именемъ *Товіи*, и такъ какъ исторія обоихъ тѣсно связана, то она называлась иногда книгою *Товита и Товіи* (или liber utriusqve Tobiae). Двѣ послѣднія главы составляютъ дополненіе къ исторіи Товита и Товіи: XIII гл. изображаетъ хвалебную пѣснь Богу, составленную Товитомъ, а XIV гл. содержитъ дополнительныя свѣдѣнія о послѣдующей жизни Товита и его кончинѣ, равно какъ о жизни и кончинѣ Товіи. Изложимъ коротко цѣльное содержаніе книги.

Товитъ, происходившій изъ колѣна Неффалимова, вмѣстѣ съ другими израильтянами отведенъ былъ въ плѣнъ въ Ниневію во дни ассирійскаго царя Енемессара (Салманассара). Еще въ отечествѣ своемъ, въ то время, какъ колѣно Неффалимово (съ другими колѣнами израильскими) находилось въ отпаденіи отъ Іерусалима, Товитъ отъ самой юности своей соблюдалъ заповѣди закона Моисеева, ходилъ въ Іерусалимъ для жертвоприношеній и десятинъ и сохранилъ себя отъ идолослуженія, которымъ заражены были его одноплеменники.

Онъ имѣлъ жену Анну изъ отеческаго своего рода и отъ нея—(единственнаго) сына Товію. Въ странѣ плѣна онъ остался вѣренъ Богу. Онъ заслужилъ благоволеніе Енемессара и сдѣланъ былъ закупщикомъ царя. Онъ хаживалъ въ Мидію (по дѣламъ) и въ мидійскомъ городѣ Рагахъ ссудилъ въ займы своему родственнику Гаваилу десять талантовъ серебра. Преемникъ Енемессара Сеннахеримъ (потерпѣвшій пораженіе подъ Іерусалимомъ) сдѣлался гонителемъ народа Божія, и многихъ израильтянъ во гнѣвѣ предавалъ смерти. Товитъ, по состраданію къ участи братій своихъ, тайно погребалъ убитыхъ. Это открылось по доносу одного ниневитянина, и Товитъ по страху смерти принужденъ былъ бѣжать, оставивши домъ свой: имѣніе его было расхищено. Вскорѣ положеніе его опять перемѣнилось. По смерти Сеннахерима, убитаго двумя сыновьями, бѣжавшими изъ Ниневіи, (третій) сынъ его Сахерданъ получилъ царство. Племянникъ Товита Ахіахаръ поставленъ былъ надъ всѣмъ управленіемъ царства, и по его ходатайству Товитъ опять возвратился въ Ниневію (Гл. 1). Ему отданы были жена и сынъ.

Въ одинъ изъ дней пятдесятницы, садясь съ семействомъ за праздничную трапезу, Товитъ посылаетъ сына своего найдти и призвать кого нибудь изъ бѣдныхъ братій, чтобы раздѣлить трапезу. Товія возвращается съ извѣстіемъ, что видѣлъ удавленнаго израильтянина, брошеннаго на площади. Товитъ немедленно оставилъ трапезу и похоронилъ убитаго. Считая себя нечистымъ по закону, онъ не вошелъ въ домъ и легъ спать за стѣною двора: когда онъ спалъ, птицы испражнились на его глаза, и сдѣлались на глазахъ его бѣльма. Сначала питалъ его Ахіахаръ, а потомъ, когда Ахіахаръ оставилъ Ниневію, слѣпой Товитъ получалъ пропитаніе отъ трудовъ жены своей. Она пряла шерсть богатымъ людямъ,

а они скупали пряжу и давали ей плату, придавая козленка. Однажды, когда Анна пришла къ мужу своему и козленокъ сталъ блеять, Товитомъ овладѣло подозрѣніе—гдѣ она взяла козленка, и онъ просилъ жену, чтобы она отдала козленка, кому онъ принадлежитъ. Анна огорчилась и обратилась къ мужу съ сильнымъ упрекомъ, высказывая сомнѣніе въ добродѣтели его самого и обличая его постигшимъ его несчастіемъ. Глубоко оскорбленный, Товитъ обратился съ молитвою къ Богу и просилъ себѣ смерти (Гл. II. III, 1—6).

Въ тотъ же самый день горячо молилась Богу, прося себѣ смерти, Сарра, единственная дочь Рагуила, родственника Товитова въ Екбатанахъ. Она была отдаваема замужъ семь разъ и каждаго мужа лишалась въ первую ночь брака, лишь только оставалась съ нимъ въ брачномъ чертогѣ: ихъ убивалъ злой демонъ асмодей, любившій Сарру. Случилось, что служанки Сарры, бывъ недовольны своей госпожей, съ оскорбительнымъ подозрѣніемъ и упреками стали говорить въ лицо Саррѣ о смерти мужей ея. Приведенная въ отчаяніе, Сарра въ пламенной молитвѣ просила себѣ у Бога смерти.

Тогда посланъ былъ Вышнимъ архангелъ Рафаилъ—спасти обоихъ, возсылавшихъ молитвы, Товита и Сарру (Гл. III, 7—17.).

Товитъ ожидаетъ себѣ смерти. Въ этомъ ожиданіи онъ зоветъ Товію, даетъ ему отеческія наставленія и завѣщанія,—открываетъ о серебрѣ, которое отдано Гаваилу въ Рагахъ и должно принадлежать Товіи,—вручаетъ сыну рукописаніе Гаваила, желаетъ, чтобы Товія при жизни его сходилъ за серебромъ и поручаетъ ему найдти себѣ проводника. Товіи встрѣчается Рафаилъ, который называетъ себя родственникомъ Товита Азаріею, и соглашается сопровождать Товію въ Раги. Товитъ, обнадеженный извѣстностію спутника, от-

пускаетъ Товію въ путь, къ великому огорченію матери (Гл. IV—V.).

Рафаилъ прямо ведетъ Товію въ Екбатаны. Когда пришли они къ рѣкѣ Тигру, и Товія хотѣлъ омыться въ рѣкѣ, изъ рѣки выскочила рыба и бросилась на него. Рафаилъ велитъ Товіи схватить рыбу и вынуть изъ нея сердце, печень и желчь: на пути онъ объясняетъ Товіи цѣлительныя ихъ свойства. Не доходя до Екбатанъ, Рафаилъ заводитъ рѣчь о томъ, что у Рагуила есть единственная дочь Сарра, прекрасная и умная дѣвица, что по закону она должна принадлежать Товіи, и что онъ Рафаилъ будетъ стараться устроить этотъ бракъ. Товія знаетъ судьбу дѣвушки и приходитъ въ нерѣшимость. Рафаилъ напоминаетъ ему о волѣ отца, чтобы женился онъ непремѣнно въ родѣ своемъ, и говоритъ, что куреніе сердца и печени рыбы съ молитвою прогонитъ въ свадебную почь демона, и супружество Товіи съ Саррою, сужденное Богомъ, будетъ благословенно. Товія рѣшается — въ предчувствіи, что судьба его связана съ Саррою (Гл. VI.).

Слова Рафаила оправдались. Товія получилъ Сарру въ жену. Молитвою и куреніемъ асмодей былъ прогнанъ и связанъ ангеломъ въ пустынѣ египетской. Товія остался въ Екбатанахъ на 14 дней брачнаго торжества. Между тѣмъ Рафаилъ, чтобы Товіи не терять много времени, самъ идетъ въ Раги мидійскія къ Гаваилу за серебромъ, приноситъ серебро, и приводитъ на брачное торжество Гаваила. Товія остается у Рагуила не далѣе 14 дней, зная, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и мать ждутъ его въ Ниневіи. Одаренный отъ Рагуила и Едны половиною ихъ имѣнія, напутствуемый ихъ благословеніемъ и завѣщаніемъ—получить другую половину имѣнія послѣ смерти ихъ обоихъ, Товія оставляетъ съ своею супругой Екбатаны (Гл. VII—X.).

Когда путники приближались къ Ниневіи, Рафаилъ посылаетъ Товію впередъ приготовить помѣщеніе и исцѣлить отца рыбьею желчью. Товитъ получаетъ прозрѣніе, и сугубо счастливые родители съ радостію принимаютъ Сарру, и бракъ опять празднуется 7 дней въ Ниневіи (Гл. XI.).

Въ благодарность Рафаилу, Товитъ и Товія хотятъ наградить его половиною своего имѣнія. Тогда Рафаилъ открывается имъ. Онъ увѣщаваетъ ихъ продолжать вѣрно служить Богу своему, говоритъ, что онъ-то возносилъ на небо молитвы Товита и Сарры и былъ посланъ Богомъ имъ на помощь, что онъ есть архангелъ Рафаилъ и былъ видимъ ими только въ образѣ, что теперь онъ возвращается къ Богу, а все, случившееся съ ними, они должны записать въ книгу. Отъ страха они пали ницъ, и когда встали, ангела уже не было (Гл. XII).

Слѣдуетъ одушевленная хвалебная пѣснь Богу, написанная Товитомъ, съ пророческими взглядами на будущность церкви Божіей. (Гл. XIII).

Заключеніе книги составляютъ семейныя извѣстія. Товитъ достигъ преклонной старости и незадолго до смерти, въ увѣщательной рѣчи къ сыну завѣщалъ ему оставить Ниневію, разрушенія которой нужно было ожидать по пророчеству Іоны. Схоронивши родителей, Товія отправился съ женою и дѣтьми въ Екбатаны къ тестю и тещѣ и поселился у нихъ, оставаясь и здѣсь вѣрнымъ сыномъ. Онъ достигъ честной старости, и еще предъ смертію слышалъ о паденіи Ниневіи, радуясь, что Богъ избавилъ его отъ несчастія. (Гл. XIV).

II. Книга Товита дошла до насъ не только на различныхъ языкахъ, но и въ различныхъ текстахъ. Прежде всего мы имѣемъ *греческій текстъ*, который уже въ древнее врем-

вмѣстѣ съ другими неканоническими книгами вошелъ въ греческую Библію LXX и распространился вмѣстѣ съ нею. Это общепринятый текстъ греческой церкви, извѣстный подъ именемъ LXX. Въ древнее же время на греческомъ языкѣ образовались *переработанныя изложенія* общепринятаго текста: они сохранились не въ полномъ видѣ и изданы недавно—Тишендорфомъ и Фрицшемъ. На западѣ въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры появились *латинскіе* переводы. Изъ нихъ особенно важны: древнѣйшій латинскій, извѣстный подъ именемъ *италійскаго* (Itala), и *Іеронимовъ*, вошедшій въ *Вульгату*. Книга Товита извѣстна была и на восточныхъ языкахъ. Таковы тексты—*халдейскій*, служившій образцемъ Іерониму, впрочемъ не сохранившійся до настоящаго времени, *сирскій*, сохранившійся съ 10 ст. VII главы и напечатанный въ полиглоттѣ Вальтона, наконецъ два *еврейскихъ текста*, поздняго происхожденія и различнаго вида, открытые въ XVI столѣтіи Павломъ Фагіемъ и Себастіаномъ Мюнстеромъ, также напечатанные у Вальтона.

Перечисленные тексты представляютъ нѣсколько различныхъ редакцій и предполагаютъ особую литературную исторію разсматриваемой книги. Безъ положительныхъ свидѣтельствъ, конечно, нѣтъ возможности со всею ясностію раскрыть эту исторію, а самое изученіе текстовъ, задержанное позднимъ и доселѣ еще не окончившимся изданіемъ матеріаловъ, сопровождавшееся притомъ ученою полемикой, только въ настоящее время даетъ возможность твердо установить нѣсколько *общихъ положеній*.

Ближайшій вопросъ, который представляли при сличеніи различныхъ текстовъ книги Товита, состоялъ въ томъ: нужно ли признать нѣсколько отдѣльныхъ писателей, самостоятельно и независимо другъ отъ друга излагавшихъ извѣстное

намъ содержаніе книги, и слѣдовательно нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, по первоначальному происхожденію различныхъ, или при самомъ различіи текстовъ нужно признать одну первоначальную основу, одно твореніе, въ которомъ исторія Товита была первоначально изложена болѣе или менѣе цѣльно, такъ что различіе текстовъ не имѣетъ существеннаго значенія?

Изученіе библейскихъ текстовъ въ иностранной богословской литературѣ, не смотря на обширное ея развитіе, вошло въ силу и стало приносить по временамъ добрые плоды съ недавняго времени. На первыхъ порахъ это изученіе, подъ впечатлѣніемъ новыхъ критическихъ началъ, провозглашенныхъ нѣкоторыми экзегетами въ приложеніи къ библейскимъ книгамъ, отличалось только смѣлостію критики и крайнимъ догматизмомъ предположеній, иногда не основанныхъ ни на чемъ положительномъ. Въ 1800 г. явилось знаменитое сочиненіе Ильгена: «Исторія Товита по тремъ различнымъ текстамъ—греческому, латинскому и сирскому» (*). Это—единственная до новѣйшаго времени монографія о книгѣ Товита, замѣчательная сколько первоначальнымъ впечатлѣніемъ, какое произвела она въ богословскомъ мірѣ, столько же и послѣдующимъ ея паденіемъ. Подъ вліяніемъ критическихъ гипотезъ Эйхорна, Ильгенъ смѣло разсѣкалъ книгу Товита на нѣсколько отдѣльныхъ частей и для каждой предполагалъ своего писателя и свое время. Писателемъ первой части (гл. I—III, ст. 6) называлъ Товита, писавшаго въ 689 г. до Р. Хр. въ Ассиріи на еврейскомъ

(*) Die Geschichte Tobias nach drei verschiedenen Originalen, dem griechischen, dem lateinischen des Jeronymus und einem syrischen übersetzt und mit Anmerkungen exegetischen und kritischen Inhalts, auch einer Einleitung versehen, *von Karl David Ilgen.* Jena. 1800.

языкѣ; съ III гл. 7 ст., оканчивая XII-ю главою и включая сюда XIV главу, онъ видѣлъ другое сочиненіе, писанное другимъ лицемъ уже въ Палестинѣ, около 280 г. такъ же на еврейскомъ; происхожденіе XIII главы опредѣлялъ особо около 10 г. до Р. Хр.; около 120 г. до Р. Хр. полагалъ новый еврейскій текстъ, соединившій извѣстные прежде отрывки,—и усиливался показать этотъ текстъ въ халдейскомъ оригиналѣ Іеронима. Затѣмъ для всѣхъ еврейскихъ текстовъ Ильгенъ предполагалъ послѣдовательно появлявшіеся греческіе переводы—сначала для каждаго текста отдѣльно, а потомъ для тѣхъ же текстовъ въ ихъ соединеніи, и съ изумительною опредѣленностью провелъ рядъ древнихъ переводовъ Товита по годамъ, начиная съ 40 г. до Р. Хр.

Сочиненіе Ильгена увлекло многихъ; многіе экзегеты, въ особенности извѣстный Бертольдъ, вполнѣ отдались его мнѣніямъ. Съ теченіемъ времени богословы ближе присмотрѣлись къ теоріи Ильгена, ближе вникли въ самый памятникъ и осторожнѣе, какъ напр. Деветте, стали пользоваться его выводами. Шольцъ уже совсѣмъ отступилъ отъ предложенной Ильгеномъ теоріи. Въ новѣйшее время книга Ильгена со стороны ея общей теоріи столько упала, что ученые богословы припоминаютъ ее какъ образецъ парадоксовъ, неоснованныхъ на положительныхъ данныхъ. Въ сложной теоріи Ильгена, совмѣщающей столько частныхъ гипотезъ, поражаетъ рѣшительное отсутствіе положительныхъ фактовъ, которые служили бы въ его пользу, и крайняя смѣлость не только въ раздѣленіи нѣсколькихъ первоначальныхъ сочиненій, составившихъ извѣстную намъ книгу Товита, но и въ опредѣленномъ указаніи времени и мѣста ихъ происхожденія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ филологическихъ замѣчаній Ильгена, новѣйшіе ученые совершенно отрицаютъ

его теорію о множественности первоначальныхъ сочиненій книги Товита (*).

Съ изданіемъ большаго числа текстовъ и болѣе зрѣлымъ изученіемъ утвердилось общее убѣжденіе въ единствѣ первоначальнаго основнаго творенія въ книгѣ Товита, которое получило разнообразный видъ только въ позднѣйшихъ изложеніяхъ и спискахъ. Это показываетъ характеръ самыхъ разностей, которыми отличаются между собою существующіе тексты. Въ однихъ наприм. исторія Товита въ началѣ излагается въ первомъ лицѣ отъ его имени, въ вульгатѣ—вся книга въ 3 лицѣ отъ имени писателя, которому однакожъ ничто не препятствовало поступить и такъ и иначе; въ однихъ текстахъ прибавляются однѣ подробности, въ другихъ—опускаются другія, такъ наприм. италійскій текстъ подробнѣе означаетъ мѣсто жительства Товита, упоминаетъ объ отпаденіи отъ дома Давидова и сооруженіи золотаго тельца въ Данѣ Іеровоамомъ, перечисляетъ плоды, какіе носилъ Товитъ въ Іерусалимъ, замѣчаетъ, что слѣпота его продолжалась четыре года,—Ахіахаръ питалъ его два года, серебро оставалось у Гаваила 20 лѣтъ, и проч. и проч. Вообще же тексты разнятся другъ отъ друга въ именахъ, числахъ, второстепенныхъ обстоятельствахъ, или подробностяхъ одного и того же событія, въ оборотахъ и формахъ рѣчи, въ степеняхъ большей или меньшей краткости, или обширности, ясности или темноты даннаго мѣста. Между тѣмъ всѣ тексты совершенно согласны въ главномъ содержаніи, въ общемъ, существенномъ составѣ и ходѣ повѣствованія. Предположеніе, имѣвшее мѣсто въ прежнее время, будто каждый текстъ,

(*) Основательный разборъ книги Ильгена, проведенный по главнымъ чертамъ вопроса, можно читать въ введеніи *Фрицша*. Kurzgef. Exeget. Handbuch zu den Apokryphen des A. T. 2-te Liefer. Leipz. 1853.

или по крайней мѣрѣ главные тексты каждый самъ по себѣ, независимо излагаетъ свое содержаніе, не имѣетъ въ свою пользу никакихъ твердыхъ основаній.

Представляется другой вопросъ, не менѣе важный въ исторіи текста книги Товита: какой изъ существующихъ текстовъ должно признать за первоначальный? Вслѣдствіе наибольшей разности между греческимъ текстомъ LXX и латинскимъ вульгаты, а вмѣстѣ вслѣдствіе особеннаго уваженія западныхъ писателей къ трудамъ бл. Іеронима, этотъ вопросъ доселѣ поставленъ въ богословской литературѣ, какъ вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ общепринятаго греческаго текста и вульгаты.

При малоизвѣстности памятниковъ греческой письменности на западѣ и преобладаніи вульгаты въ прежнее время, очень естественно, что изученіе греческаго текста Товита долгое время оставалось крайне слабо и преобладало предубѣжденіе въ превосходствѣ текста Іеронимова. Авторитетъ Іеронимова перевода книги Товита долго держался на свидѣтельствѣ переводчика о халдейскомъ оригиналѣ, бывшемъ у него подъ руками, и считался на западѣ подлиннымъ текстомъ этой книги. Не только католики, но и протестанты пользовались переводомъ Іеронима предпочтительно. Лютеръ перевелъ книгу Товита, вмѣстѣ съ другими неканоническими книгами, съ вульгаты. Скажемъ еще болѣе: и у насъ въ Россіи, первые собиратели полной славянской Библіи съ конца XV вѣка заимствовали книгу Товита, какъ и другія неканоническія книги, съ вульгаты. Должно было пройдти не мало времени прежде, чѣмъ могло возбудиться на западѣ вниманіе къ греческому тексту и начаться болѣе основательное и многостороннее его изученіе. Это вниманіе наконецъ пробудилось, выражено нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями открыто

и сознательно, и вопросъ о сравнительномъ значеніи текстовъ —греческаго и вульгаты неожиданно явился въ иномъ свѣтѣ. Умножившіяся изданія греческихъ текстовъ—(труды Тишендорфа дѣлаютъ эпоху въ западной богословской наукѣ, очень важную и благопріятную для нашей науки), — усилившееся изученіе вновь изданныхъ матеріаловъ, все это приводитъ новѣйшихъ ученыхъ къ признанію греческаго текста Товита за древнѣйшій (*).

Основанія въ пользу греческаго текста просты и тверды. Повѣствованіе книги Товита по греческому тексту сравнительно проще и по литературному характеру древнѣе. Разности другихъ текстовъ большею частію объясняются въ ихъ происхожденіи при сличеніи съ греческимъ текстомъ LXX. Между тѣмъ неясныя мѣста собственно греческаго текста не находятъ объясненія въ другихъ, или, какъ выражается Фрицшъ, прочіе тексты объясняются изъ греческаго, но не наоборотъ. Краткость статьи и намѣреніе провести только общія понятія не дозволяетъ намъ входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности.

Есть еще вопросъ относительно общепринятаго греческаго текста книги Товита: самъ ли по себѣ этотъ текстъ есть первоначальный подлинникъ книги Товита, или онъ сохраняетъ для насъ въ переводѣ еврейскій подлинникъ, не дошедшій до насъ? Нѣкоторые ученые, какъ наприм. Ильгенъ и въ новѣйшее время Евальдъ, считали греческій текстъ переводомъ съ еврейскаго, находя въ немъ самомъ слѣды еврейскаго происхожденія; другіе, какъ наприм. Фабрицій и Янъ, а въ новѣйшее время Фрицшъ, считаютъ его за первоначальный оригинальный текстъ. Слѣды

(*) См. *Фрицша* Einleitung.

еврейскаго происхожденія книги находили въ томъ, что рѣчь въ греческомъ текстѣ Товита сильно отзывается гебраизмами. Однакожъ нельзя не отдать справедливости и тому соображенію, что, при первоначальномъ распространеніи греческаго языка между іудеями, послѣдніе не могли вдругъ отвыкнуть отъ идіомъ національной рѣчи и сразу усвоить языкъ греческій во всей его чистотѣ: естественно было еврейскому писателю, писавшему на греческомъ языкѣ, внести въ изложеніе нѣкоторыя особенности еврейскаго языка. Мы не имѣемъ другихъ данныхъ для болѣе точнаго опредѣленія первоначальнаго языка книги Товита. Для насъ достаточно того, что въ полный составъ греческой Библіи Ветхаго Завѣта принята была книга Товита на греческомъ языкѣ: былъ ли это оригиналъ, или переводъ, котораго подлинникъ утраченъ, мы безпрепятственно можемъ признать, что въ немъ мы имѣемъ подлинное содержаніе книги по первоначальному его происхожденію. Мы знаемъ, что въ первые вѣка по Р. Хр. книги Товита на еврейскомъ языкѣ не было. Оригенъ говоритъ, что онъ спрашивалъ о томъ у современныхъ ему евреевъ и узналъ, что у нихъ нѣтъ въ употребленіи книги Товита, и даже между апокрифами не имѣютъ они ея на еврейскомъ языкѣ (*). Извѣстіе Оригена заслуживаетъ особеннаго вниманія. Халдейскій текстъ, бывшій въ рукахъ Іеронима, представляется позднѣйшимъ произведеніемъ и можетъ принадлежать къ числу тѣхъ переводовъ Товита, какіе неоднократно дѣлали потомъ евреи въ христіанское время.

Признавая за древнѣйшій и подлинный текстъ книги Товита—греческій текстъ, изначала общепринятый въ восточ-

(*) Приводимъ подлинныя слова Оригена: Εβραιοι τω Τωβια ου χρωνται, ουδε τω Ιουδιθ ουδε γαρ εχουσιν αυτα και εν αποκρυφοις εβραϊστι, ως απ' αυτων μαθοντες εγνωκαμεν. Epist. ad Afric.

ной церкви подъ именемъ LXX, мы должны наконецъ показать отношеніе къ нему другихъ извѣстныхъ текстовъ.

Кромѣ общепринятаго греческаго текста, въ восточной церкви въ древнее время появились опыты изложенія книги Товита такъ же на греческомъ языкѣ въ измѣненномъ видѣ. Этотъ передѣланный, или вновь обработанный греческій текстъ сохранился не вполнѣ, изданъ въ новѣйшее время и доселѣ не обращалъ вниманія ученыхъ (*). Изученіе этого текста обѣщаетъ важныя послѣдствія. Особенности его состоятъ то въ сокращеніяхъ, то въ распространеніяхъ, касаются частностей въ изображенія происшествій, измѣняютъ или дополняютъ имена, числа, названія, дѣлаютъ повѣствованіе болѣе округленнымъ, плавнымъ, удобопонятнымъ. Эта передѣлка можетъ быть названа перифразомъ общепринятаго текста: она сходна съ греческими *изложеніями* другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ, напр. Есѳири и Даніила, а по времени и характеру напоминаетъ работы Ѳеодотіона. Новое изданіе этого передѣланнаго текста (такъ какъ онъ имѣется въ рукописяхъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ библіотекахъ) и ближайшее его изученіе можетъ еще болѣе усилить значеніе текста LXX, какъ первоначальнаго, и послужить къ объясненію разностей, появившихся въ другихъ текстахъ. Не смотря на то, что въ существующихъ изданіяхъ этотъ передѣланный текстъ имѣется еще не въ полномъ видѣ и притомъ въ одной редакціи, получено уже довольно важное приложеніе относительно нѣкоторыхъ другихъ текстовъ. Такъ сирскій переводъ

(*) Сохранились главы I, II—1 и 2 ст., VI съ 9 ст., и вполнѣ VII—XIII; напечатаны въ Codex Friderico—Avgustanus, s. fragmenta Veteris Test. et cact. ed. *Const. Tischendorf.* Lips. 1846. и въ изданія *Фрицша* 1853 г. съ дополненіями и параллелями другихъ текстовъ, въ особенности италійскаго.

Товита, напечатанный въ полиглоттѣ Вальтона, доселѣ представлявшій необъяснимыя разности съ греческимъ текстомъ LXX, по редакціи оказался согласнымъ съ отрывками этого вновь изданнаго передѣланнаго греческаго текста. Такимъ образомъ этотъ текстъ можетъ послужить ключемъ къ объясненію многихъ разностей въ другихъ текстахъ и особенно въ западныхъ переводахъ, для которыхъ образцы заимствованы были съ востока. Фрицшу дѣйствительно удалось открыть слѣды этого текста въ древнихъ латинскихъ переводахъ.

Древнѣйшимъ, церковнымъ текстомъ книги Товита въ римской церкви былъ такъ называемый *италійскій*. Отличительныя черты италійскаго текста книги Товита состоятъ въ томъ, что онъ значительно распространенъ и украшенъ, снабженъ нѣкоторыми прибавленіями аскетическаго характера, по языку же довольно необработанъ. Происхожденіе его полагается большею частію въ Африкѣ въ концѣ 2 или въ началѣ 3. вѣка по Р. Хр. Сабатье, первый и доселѣ единственный его издатель, собралъ цитаты изъ книги Товита въ писаніяхъ Кипріана, Амвросія и другихъ отцевъ западной церкви: такимъ образомъ онъ былъ въ употребленіи на западѣ, какъ церковный текстъ, прежде времени Іеронима и несомнѣнно перешелъ съ востока. Во многихъ мѣстахъ италійскаго перевода ясны слѣды общепринятаго текста греческой церкви. Но въ большей части италійскаго перевода открытъ въ настоящее время передѣланный греческій текстъ, хотя остается нѣсколько мѣстъ, происхожденіе которыхъ еще нельзя точно опредѣлить. Фрицшъ въ своемъ изданіи передѣланнаго греческаго текста напечаталъ параллельно съ нимъ италійскій переводъ, оказавшійся во многихъ мѣстахъ буквально согласнымъ съ нимъ.

Другой латинскій текстъ книги Товита имѣемъ мы въ *Вульгатѣ*, въ которую принятъ переводъ бл. Іеронима. О своемъ переводѣ Товита Іеронимъ говоритъ: «вы требуете, чтобы я перевелъ на латинскій языкъ книгу, написанную по халдейски, именно книгу Товіи, которую евреи, отдѣляя изъ списка Божественныхъ Писаній, включили въ тѣ писанія, которыя называютъ агіографами. Я исполнилъ это по вашему желанію, но не по своей охотѣ. И такъ какъ халдейскій языкъ родственъ еврейской рѣчи, то я нашелъ человѣка, отлично говорившаго на обоихъ языкахъ, одолѣлъ этотъ трудъ въ одинъ день, и что̀ говорилъ онъ мнѣ еврейскими словами, то̀ я при помощи скорописца изложилъ латинскою рѣчью (*).» Сопоставляя эти слова Іеронима съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ Оригена, мы можемъ прежде всего признать, что принятіе іудеями книги Товита въ число агіографовъ произошло въ христіанское время, когда іудеи жили уже въ разсѣяніи, и, какъ увидимъ ниже, они пользовались текстомъ Товита, извѣстнымъ въ греческой александрійской Библіи. Другихъ извѣстій о халдейскомъ кодексѣ, бывшемъ у Іеронима, мы не имѣемъ, и только отчасти можемъ судить о немъ по переводу Іеронима. Латинскій переводъ Товита въ вульгатѣ какъ въ подробностяхъ повѣствованія, такъ и въ способѣ изложенія, въ которомъ между прочимъ усиленъ характеръ назидательности, расходится съ греческимъ текстомъ дальше, нежели другіе извѣстные тексты, но во многихъ мѣстахъ онъ буквально сходится съ текстомъ италійскимъ. Фрицшъ предъявляетъ справедливое требованіе относительно новаго пересмотра вульгаты по древнимъ, еще малоизвѣстнымъ греческимъ текстамъ. Мнѣніе прежнихъ ученыхъ о

(*) Praef. in Tob.

превосходствѣ Іеронимова перевода предъ текстомъ греческой церкви главнымъ образомъ основывалось на убѣжденіи, что халдейскій оригиналъ Іеронима представляетъ первоначальный еврейскій подлинникъ книги Товита и что исторія вульгаты извѣстна со всею ясностію въ подробностяхъ, тогда какъ исторію греческаго текста нельзя прослѣдить съ достовѣрностію (*). Мнѣніе о такомъ достоинствѣ вульгаты въ настоящее время поколеблено относительно книгъ неканоническихъ, въ особенности происшедшихъ на греческомъ языкѣ, и если нельзя еще провѣрить переводъ вульгаты по предполагаемымъ греческимъ источникамъ, тѣмъ не менѣе вопросъ о вульгатѣ становится такъ, что прежними мнѣніями нельзя уже довольствоваться (**).

Извѣстные нынѣ *еврейскіе тексты* Товита представляютъ позднѣйшіе переводы этой книги. Одинъ изъ нихъ, первоначально явившійся въ Константинополѣ 1517 г. и потомъ изданный П. Фагіемъ (***), есть переводъ общепринятаго греческаго текста кн. Товита съ очень незначительными отступленіями, которыя большею частію должны быть признаны дѣломъ переводчика. Ильгенъ приписывалъ этотъ переводъ константинопольскому еврею XII столѣтія; Фрицшъ, не рѣшаясь точно опредѣлить время этого перевода, замѣ-

(*) *Welte*, Spec. Einleitung in die devterokan. Bücher des A. T. Freib. 1844. S. 79.

(**) Есть нѣкоторые слѣды употребленія въ восточной церкви греческаго текста кн. Товита, согласнаго собственно съ вульгатою, и притомъ прежде времени Іеронима. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ приводится одинъ стихъ изъ кн. Товита согласно съ текстомъ вульгаты и вопреки греческому LXX и италійскому. Const. Apost. VII, 2: *παν ο μη θελεις γενεσθαι σοι και συ τυτο αλλω ν ποιήσεις* (Тов. IV, 16. Vulg.); въ греческомъ: *και ο μισεις μηδενι ποιησεις* (Тов. IV, 15).

(***) При книгѣ Sententiae Morales Ben Syrae подъ заглавіемъ: Tobias hebraice cum versione latina e regione per Pavlum Fagium. Isnae 1542.

чаетъ только, что Ильгенъ полагалъ его слишкомъ поздно, ошибаясь не на одно столѣтіе. Другой еврейскій текстъ, изданный С. Мюнстеромъ (*), составляетъ довольно свободный переводъ латинскаго италійскаго текста. Большею частію полагаютъ, что онъ сдѣланъ былъ какимъ-нибудь евреемъ въ Италіи въ V столѣтіи.

Въ дополненіе къ этимъ общимъ замѣчаніямъ о текстахъ считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о *славянскомъ* переводѣ Товит Древнихъ славянскихъ переводовъ книги Товита прежде онца XV вѣка, какъ видно, не было у насъ. Собирател полной славянской Библіи Ветхаго Завѣта въ концѣ V вѣка вновь перевели книгу Товита съ латинскаго т ста вульгаты, только что изданнаго на западѣ. Въ первыхъ печатныхъ изданіяхъ славянской Библіи книга Товита такъ же осталась въ переводѣ съ вульгаты. Острожскіе издатели (1581 г.) начали было исправлять ее по греческому тексту, но на первыхъ двухъ стихахъ оставили это дѣло. Въ первопечатномъ московскомъ изданіи (1663 г.) такъ же удержанъ былъ переводъ съ вульгаты. Петровскіе исправители славянской Библіи вновь перевели книгу Товита въ 1720 г. съ вульгаты (**). Эта давняя извѣстность книги Товита въ старомъ славянскомъ переводѣ поставила въ великое затрудненіе послѣдующихъ исправителей. Съ 1738 г. нѣсколько лѣтъ продолжались недоразумѣнія относительно книги Товита, такъ какъ дѣло касалось и другихъ неканоническихъ книгъ, такъ же переведенныхъ на славянскій языкъ съ вульгаты. Со-

---

(*) Historia Tobiae per Seb. Münsterum juxta Hebraismum versa. Una cum scholiis... Первое изданіе Basil. 1542.

(**) Описаніе слав. ркп. М. Синод. Б—ки. Отд. I. М. 1855. Стр. 46, 53, 136, 167, 171.

знавая нужду вновь перевести Товита съ греческаго текста и опасаясь отъ такой перемѣны «смуты народной», въ 1738 г. стоявшій во главѣ исправителей Стефанъ, епископъ псковскій, предлагалъ св. Синоду, а Синодъ испросилъ особое высочайшее разрѣшеніе напечатать книгу Товія въ двухъ столбцахъ двойнымъ текстомъ—старымъ съ поправками, расположенными внизу подъ чертою по буквамъ алфавита, и новымъ, переведеннымъ съ греческаго. Вслѣдствіе новыхъ недоумѣній, по предложенію исправителей, Синодъ вновь испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, которое и послѣдовало въ 1740 г., поступить иначе—«книгу Товіи на одномъ боку старую, ничего не перемѣняя, а на другомъ правленную напечатать: а противъ греческаго текста перевести и напечатать особо въ концѣ же Библіи.» Но въ 1741 г. печатаніе Библіи перенесено было въ Москву и перемѣнившіеся исправители нашли нужнымъ сдѣлать новое донесеніе о книгѣ Товіи, говоря, что «поелику высочайшими указами велѣно русскую библію токмо съ самыми греческими библіями исправить: того ради хотя они книгу Товіи—отчасти съ латинской вульгаты въ старой русской библіи напечатанную и прежними исправителями исправляемую съ помянутою латинскою вульгатою свидѣтельствовали и начисто переписали: однако въ составъ библейный надъ силу вышеозначенныхъ указовъ не клали; а положили въ составъ библейный съ греческаго діалекта, въ вышеупомянутой полиглоттѣ (Вальтона) обрѣтаемаго, переведенную, которая и полнѣйша и довольно безъ латинской вульгаты имѣющуюся въ себѣ исторію изъясняющая; а оную книгу Товіи, съ латинскаго діалекта переведенную, въ волю и разсмотрѣніе св. Синода особо за составомъ положили.» При окончательномъ изданіи славянской Библіи 1751 г. дѣйствительно удержанъ былъ вновь

сдѣланный переводъ съ александрійскаго греческаго текста, который и доселѣ сохраняется (*).

Редакція *Прав. Обозрѣнія* въ русскомъ переводѣ кн. Товита пользовалась изданіемъ греческой Библіи Ветх. Завѣта LXX *Тишендорфа* (**).

III. Мы довольно долго остановились на тѣхъ понятіяхъ о книгѣ Товита, какія даетъ намъ сравнительное изученіе текстовъ. Въ изслѣдованіи о библейскихъ книгахъ главнымъ источникомъ свѣдѣній очень часто остаются самыя книги въ сохранившихся текстахъ: въ особенности это должно сказать о книгахъ неканоническихъ. Свѣдѣній *историческихъ* о книгѣ Товита мы почти не имѣемъ. Относительно вопросовъ о происхожденіи книги, о ея писателѣ, о времени и мѣстѣ написанія можно дѣлать только тѣ или другія предположенія на основаніи внутреннихъ признаковъ самой же книги. Взаимное сличеніе мнѣній, появлявшихся въ разное время, конечно открываетъ наконецъ относительную слабость однихъ предположеній и подтверждаетъ относительное достоинство другихъ: но далѣе общихъ и предположительныхъ сужденій невозможно простираться въ этой бѣдной фактическими данными области.

Экзегеты прежняго времени, между которыми видное мѣсто занимаетъ Алліоли, при разрѣшеніи вопросовъ о происхожденіи книги Товита и о ея писателѣ буквально толковали относящіяся сюда показанія самой книги (***). Обык-

(*) См. статью г. *Чистовича* объ исправленіи слав. Библіи передъ изданіемъ 1751 г. *Правосл. Обозр.* 1860. Т. I. стр. 491—500. II, 54.

(**) Ed. III. Lipsiae 1860. Разности списковъ греческаго текста LXX ватиканскаго и александрійскаго относительно книги Товита очень незначительны.

(***) Слч. Тов. XII, 20; XIII, 1.

новенно говорили, что первыя 12 или даже 13 главъ написаны самимъ Товитомъ, 14 глава—сыномъ его Товіею, а последніе два или четыре стиха—внукомъ Товита, или неизвѣстнымъ израильтяниномъ, котораго надобно считать и издателемъ книги: такимъ образомъ утверждали, что книга въ нынѣшнемъ ея видѣ произошла прежде времени плѣна вавилонскаго, ранѣе нѣкоторыхъ каноническихъ книгъ. Такое предположеніе, основываясь на непосредственномъ буквальномъ отношеніи къ показаніямъ книги, не принимаетъ во вниманіе ни литературной ея обработки, ни другихъ обстоятельствъ, и ведетъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ.

Другіе ученые, между которыми особенно упоминаемъ Шольца, держась данныхъ въ самой книгѣ, утверждали, что существовали наслѣдственныя семейныя записи, или преданія о Товитѣ и Товіи, которыя и послужили *источниками* книги. Отрывочныя извѣстія или преданія, не соединенныя въ одно цѣлое, не обработанныя литературно, еще не составляли извѣстной намъ книги и конечно не имѣли того вида, какой въ ней потомъ получили; письменное изложеніе имѣвшихся матеріаловъ, расположенное и обработанное извѣстнымъ образомъ, образовало книгу Товитъ, единство которой заключалось въ совокупленіи матеріаловъ и ихъ изложеніи. Это конечно было дѣломъ одного писателя. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы предполагать нѣсколько отдѣльныхъ первоначальныхъ сочиненій, отдаленныхъ одно отъ другаго вѣками, изъ которыхъ каждое лишено надлежащей цѣлости въ содержаніи и между тѣмъ литературно изложено,—ближе къ истинѣ допустить, что источниками извѣстной намъ книги могли быть отдѣльныя извѣстія, нисколько не составлявшія еще отдѣльныхъ книгъ и не имѣвшія позднѣйшей литературной формы,—что совокупленіе этихъ

матеріаловъ въ одно цѣлое, изложенное извѣстнымъ намъ образомъ, составило книгу Товита. При такомъ предположеніи первоначальное цѣльное изложеніе книги Товита, оразнообразившееся уже въ послѣдующихъ изложеніяхъ (текстахъ), само собою будетъ приходиться позднѣе времени Товита: оно естественно будетъ относиться къ эпохѣ, наступившей для іудеевъ за временами плѣна, которыя сдѣлались предметомъ историческаго воспоминанія и литературнаго воспроизведенія.

Попытки ученыхъ—точнѣе опредѣлить время книги Товита доселѣ не увѣнчались успѣхомъ. Рѣшеніе вопроса облегчилось бы значительно, еслибы извѣстно было, на какомъ языкѣ—еврейскомъ, или греческомъ написана первоначально книга. Здѣсь помогла бы по крайней мѣрѣ извѣстность періода, съ котораго усиливается греческая письменность между іудеями. Извѣстія, служившія источниками книги, конечно, передавались и записывались на еврейскомъ языкѣ. Но о первоначальномъ языкѣ самой книги нельзя сказать ничего положительнаго.

Употребленіе книги Товита у древнихъ писателей также могло бы—если не открыть намъ ея первое появленіе, то въ нѣкоторой мѣрѣ опредѣлить ея время. Но и съ этой стороны мы лишены необходимыхъ данныхъ. Въ сочиненіяхъ Филона и Іосифа Флавія, равно какъ и другихъ писателей дохристіанскаго времени, не только не встрѣчается свидѣтельствъ о книгѣ Товита, даже никѣмъ изъ ученыхъ доселѣ не найдено ни одного указанія или намека на какія-либо мѣста этой книги. Нельзя показать употребленіе книги Товита и у священныхъ писателей Новаго Завѣта (*). Слова изъ книги

(*) Едва ли можно думать, какъ полагали нѣкоторые, что въ Еванг.

Товита въ первый разъ приводятся Поликарпомъ, епископомъ смирнскимъ, а о самой книгѣ въ первый разъ ясно говорится въ сочиненіяхъ Климента александрійскаго (во второй половинѣ II вѣка). Это отсутствіе внѣшнихъ свидѣтельствъ болѣе ранняго времени вызвало даже недоразумѣнія и ошибочныя заключенія о времени происхожденія книги. Эйхорнъ высказалъ сомнѣніе, что книга Товита едва ли можетъ принадлежать ветхозавѣтному писателю, а Фабрицій положительно утверждалъ, что она написана около 100 г. по Р. Х. Эти крайнія мнѣнія произошли только вслѣдствіе отсутствія раннихъ свидѣтельствъ о книгѣ Товита и не имѣютъ въ свою пользу никакихъ положительныхъ оснований; онѣ впрочемъ и не нашли большаго сочувствія между учеными.

Изъ новѣйшихъ изслѣдователей едва ли не самое раннее время назначаетъ книгѣ Товита Евальдъ (*), который полагаетъ, что она написана какимъ-нибудь евреемъ на дальнемъ востокѣ въ исходѣ персидскаго владычества надъ Іудеею, и переведена съ первоначальнаго еврейскаго языка на греческій въ послѣднемъ вѣкѣ предъ Р. Х., или немного позднѣе. Этотъ извѣстный критикъ, вообще слишкомъ строгій въ вопросахъ о древности письменныхъ памятниковъ, прибавляетъ лишнее старшинство разсматриваемой книгѣ вслѣдствіе желанія — объяснить ея особенности изъ положенія евреевъ въ чужеземныхъ странахъ, или въ чуждой зависимости; вмѣсто твердыхъ доводовъ въ подкрѣпленіе предложеннаго мнѣнія, мы встрѣчаемъ здѣсь новыя гипотезы, которыя въ различныхъ отношеніяхъ вызываютъ недоразумѣнія и требуютъ вновь сильныхъ подтвержденій.

Матѳея VII, 12 имѣются въ виду слова книги Товита IV, 16, или въ Апокалипсисѣ XXI, 18 и сл.—Тов. XIII, 20 и сл.

(*) Въ Geschichte des V. Israel. B. III. Letzte Hälfte.

Бо́льшую вѣроятность имѣетъ мнѣніе Шольца, который полагаетъ время написанія книги Товита не раньше, какъ въ первыя времена греко-македонскаго владычества. Если книга Товита могла быть написана первоначально на еврейскомъ языкѣ, и тогда—черты, въ которыхъ является предъ нами іудейство по изображенію книги, не позволяютъ относить ее къ болѣе раннимъ временамъ, не говоря о томъ, что ранѣе періода греко-македонскаго владычества евреи едва ли могли писать или переводить по гречески.

Фрицшъ, ссылаясь на слѣды греческаго вліянія, замѣтно обозначившагося въ книгѣ, полагаетъ, что она написана незадолго до войны маккавейской, или вскорѣ послѣ этой войны. Но онъ особенно настаиваетъ на томъ, что болѣе поздняго происхожденія она не можетъ быть. Она рѣзко отличается по ея внутреннему характеру отъ позднѣйшихъ произведеній. Простота рѣчи, отсутствіе всякой искусственности и риторическихъ пріемовъ ясно отличаютъ ее отъ другихъ письменныхъ памятниковъ позднѣйшаго времени.

Писатель книги Товита близко знакомъ съ мѣстностями Палестины и Мидіи. Изъ этого нельзя однакожъ сдѣлать вѣрныхъ заключеній о мѣстѣ написанія книги. Она могла быть написана въ Палестинѣ точно такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ письменной дѣятельности послѣднихъ вѣковъ до-христіанской эры, какими преимущественно были Александрія и Вавилонъ, а мнѣнія ученыхъ объ этомъ предметѣ доселѣ не привели ни къ какому опредѣленному заключенію.

IV. Оставляя смутную область предположеній, скудныхъ по содержанію, возвратимся еще разъ къ самой книгѣ, чтобы оцѣнить ея внутреннее достоинство, на которомъ основано ея практическое употребленіе.

Цѣль книги Товита—представить въ формѣ историческаго

повѣствованія образецъ истиннаго, дѣятельнаго благочестія, показать его силу и крѣпость посреди окружающей испорченности нравовъ, представить его несокрушимость подъ ударами тяжелыхъ бѣдствій, его неизмѣнность при всѣхъ искушеніяхъ язычества, невѣдавшаго Бога истиннаго, а потомъ раскрывши всѣ испытанія, какія способно перенести истинное благочестіе, показать справедливое воздаяніе благочестивымъ въ чудесномъ промышленіи и храненіи Божіемъ. Способъ изображенія вполнѣ приспособленъ къ предположенной писателемъ цѣли. Изображеніе характеровъ дѣйствующихъ лицъ чуждо искусственной идеализаціи: оно трогаетъ читателя своею вѣрностію дѣйствительности. Въ отчетливыхъ и нѣжныхъ чертахъ представлены здѣсь дѣйствительныя добродѣтели: читатель чувствуетъ внутреннюю силу искренняго благочестія, видитъ, какъ проявляется оно дѣятельно, какъ при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ оно хранитъ вѣрность своему Богу, которая не посрамляетъ,—какъ проявляется въ разныхъ положеніяхъ любовь отца, матери, сына, супруги,—какъ естественныя чувства сердца могутъ волновать самыхъ благочестивыхъ людей. Очерки обстоятельствъ и рѣчи дѣйствующихъ лицъ ярко и коротко выражаютъ самое необходимое. Изложеніе вообще носитъ характеръ сжатости, самобытности и простоты. Вся книга проникнута тою искреннею нравственною силою и строгостію, которая всегда дѣйствуетъ на чувство непредъубѣжденнаго читателя.

Не можемъ однакожъ оставить безъ вниманія и того, что при всей простотѣ повѣствованія, цѣль книги—несомнѣнно преднамѣренная, и по этой преднамѣренности самая книга относится не столько къ числу книгъ историческихъ, сколько учительныхъ. Основное содержаніе въ книгѣ Товита, по

времени и мѣсту описываемыхъ произшествій, предлагается какъ историческое: но самое повѣствованіе по его духу и формѣ является такимъ произведеніемъ, которое принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени, нежели описываемое содержаніе. Типы дѣйствующихъ лицъ, обстановка, которою они окружены, общій строй понятій, проходящій въ цѣлой книгѣ, все это изображаетъ намъ состояніе іудейства въ позднее время его исторіи. Писатель выводитъ дѣйствующія лица, какъ лица отдаленной исторической эпохи, но изображеніе во многихъ чертахъ носитъ печать времени, сравнительно позднѣйшаго. Вслѣдствіе такого отношенія между содержаніемъ книги и характеромъ изложенія, при подробномъ разсмотрѣніи книги открывается неудобство объяснить всѣ частности повѣствованія исторически и рождается затрудненіе согласить съ ученіемъ Библіи, или собственно книгъ каноническихъ, нѣкоторыя частныя представленія этой книги. Новѣйшіе изслѣдователи нашли здѣсь обильную пищу для критики и усиленно истощались въ предъявленіи различныхъ несообразностей книги—историческихъ и догматическихъ.

Посмотримъ, какъ поняла это дѣло Церковь. Указанное нами отношеніе—между историческимъ содержаніемъ книги и его обработкой у писателя—въ церкви христіанской было замѣчено и сознано съ перваго времени. Принявши въ составъ Библіи книгу Товита, вмѣстѣ съ другими подобными книгами, Церковь изначала отличила эту книгу какъ *неканоническую*. Св. Аѳанасій великій, согласно съ общимъ преданіемъ и разумѣніемъ Церкви, поставляетъ Товита между книгами, которыя «не признаны каноническими, но назначены отцами для чтенія.....» Отдѣленіе Товита отъ книгъ каноническихъ и означаетъ то, что эта книга въ историческомъ и

догматическомъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя *частныя мнѣнія*, которыя церковь допускаетъ, какъ частныя, но не налагаетъ ихъ на своихъ членовъ, довольствуясь обязательнымъ значеніемъ ученія книгъ собственно каноническихъ. Между тѣмъ Церковь признаетъ книгу Товита, наряду съ другими неканоническими книгами, полезною для всѣхъ вступающихъ въ общество христіанъ и желающихъ *огласитися словомъ благочестія*. Всѣ, внимательно изучавшіе книгу Товита, соглашаются въ томъ, какъ много нравственной силы заключено въ назидательномъ повѣствованіи о Товитѣ и его семействѣ. Этою-то назидательностію Церковь ограничиваетъ употребленіе книги, находя ее полезною для чтенія, для оглашенія, для проповѣди христіанскаго благочестія. По той искренней и разумной нравственной строгости, какою проникнута книга Товита, Церковь всегда принимала и предлагала ее въ практическое руководство дѣятельной благочестивой жизни.

Отцы и учители древней восточной церкви: св. Поликарпъ смирнскій, Климентъ и Оригенъ, Аѳанасій великій, Василій великій, Іоаннъ Златоустъ, какъ замѣчали мы прежде, съ уваженіемъ отзывались о книгѣ Товита или пользовались ею для цѣлей назиданія. Древнѣйшіе отцы церкви западной еще менѣе придавали значенія частнымъ мнѣніямъ книги Товита и всего болѣе имѣли въ виду пользу ея практическаго приложенія. Св. Кипріанъ въ своихъ сочиненіяхъ часто приводитъ мѣста изъ Товита, пользуясь италійскимъ переводомъ, самое происхожденіе котораго полагаютъ въ Африкѣ. На одномъ изъ помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ въ Африкѣ, книга Товита была упомянута между книгами Свящ. Писанія въ соборномъ правилѣ (*). Иларій, неоднократно пользующійся книгой То-

(*) 3 Карѳагенскій соборъ 397 г. прав. 33.

вита, свидѣтельствуетъ, что нѣкоторымъ дѣйствительно нравилось—присовокупивши Товитъ и Юдиѳь, считать *двадцать четыре* священныя книги по числу буквъ греческихъ (*). Амвросій медіоланскій, желая возвысить нравоназидательное достоинство книги Товита, написалъ особое сочиненіе de Tobia, въ которомъ поставляетъ эту книгу выше обыкновенныхъ сочиненій человѣческихъ, какъ книгу священную (liber propheticus). И блажен. Іеронимъ, настаивая на исключеніи книги Товита изъ числа книгъ каноническихъ, не отвергаетъ ея практической пользы для народа.

Мы увѣрены, что читатели, пользуясь книгой Товита въ предложенномъ русскомъ переводѣ, будутъ имѣть возможность собственнымъ опытомъ вполнѣ оцѣнить ея практическую назидательность. Нравственное впечатлѣніе этой книги такъ сильно, что и современные христіане западныхъ вѣроисповѣданій при всѣхъ предубѣжденіяхъ, порожденныхъ новѣйшимъ направленіемъ мысли на западѣ, не могутъ отрѣшиться вниманіемъ отъ этого памятника священной древности и продолжаютъ пытливо изучать его во всѣхъ подробностяхъ.

Свящ. Г. Смирновъ-Платоновъ.

(*) Prol. in Psalm.